

Рыцарство в структуре средневекового общества: социально-философский анализ (на примере «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера)

© А.А. Морозов

Московский педагогический государственный университет,
Москва, 125993, Россия

Реконструирована иерархическая структура средневекового английского общества XIV в., выявлена роль в нем рыцарства. Феодализм на основе «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера может быть представлен как «система личных связей» (Ж. Ле Гофф). Такой подход одновременно и противостоит анализу данного типа общества как социально-экономической структуры, присутствующему в социальной философии (классический марксизм), и дополняет его. Эволюция рыцарства раскрыта на базе смены трех его состояний: военный рыцарь — сквайр (придворный рыцарь) — рыцарство как титул. Показаны экономические причины упадка традиционного рыцарства как сугубо военного сословия (дробление феодалов). Сделан вывод об актуальности использования литературных источников при анализе переходных состояний социума.

Ключевые слова: средневековое общество, английское общество, Дж. Чосер, «Кентерберийские рассказы», рыцари, сквайры, феодальная анархия

Средневековое общество — один из наиболее интересных типов социальности, появившийся на стыке между античностью и Новым временем. Данный период формально продолжался около 10 веков: начался в V в. (с падением Западной Римской империи в 476 г.) и закончился приблизительно в конце XV в. (с началом великих географических открытий). Советские историки относили завершение феодализма как общественно-исторической формации к Великой французской революции 1789–1794 гг. Как уверяет французский историк-медиевист Ж. Ле Гофф, сегодня «мы живем среди последних материальных и интеллектуальных остатков Средневековья» [1, с. 6]. Таким образом, Средние века не ушли куда-то в прошлое, а присутствуют в настоящем, влияют на жизнь современного человека.

Отношение к данному периоду социальной истории в Европе всегда носило неоднозначный характер. Для предложивших термин «Средневековье» мыслителей эпохи Возрождения (Ф. Бьондо, 1453 г.) эта тысяча лет — время тьмы, невежества, напрасной гибели многих людей и т. д. Для Ф. Петрарки — просто «темные века». Эту идею подхватили деятели эпохи Просвещения. Приведем характерное высказывание крупнейшего ученого и философа XVIII в. Ж.А. Кондорсе:

«В эту несчастную эпоху мы увидим, как человеческий разум быстро спускается с высоты, на которую он поднялся (в античный период — А.М.)... Некоторые проблески таланта... едва могут прорезать этот глубокий мрак ночи. Теологические бредни, суеверные обманы — единственные проявления человеческого духа, религиозная нетерпимость — единственная мораль людей; и Европа, сдавленная между тиранией духовенства и военным деспотизмом, вся в крови и слезах, ждет момента, когда новое просвещение (в лице эпохи Возрождения — А.М.) позволит ей возродиться к свободе, гуманизму и добродетелям» [2, с. 100, 101]. Ж. Кондорсэ говорит о низкой степени внедрения технических инноваций, духовном диктате католической церкви, приоритетной опоре на прошлое, его достижения, страхе перед новым (инновациями) в любых сферах социальной жизни, возникновении инквизиции, борющейся репрессивными мерами с инакомыслием. Судя по явному сгущению красок, такая концепция далека от полного описания содержания сложного тысячелетнего периода истории Европы.

Сегодня исследователи стремятся представить Средние века как более интересную, сложную эпоху. Например, в романе У. Эко «Имя розы» мир средневекового человека показан как имеющий свои предрассудки, но в целом достаточно рациональный. Подобное взвешенное отношение к той эпохе прослеживается и у отечественных ученых (А.Я. Гуревич), и у зарубежных исследователей (особенно принадлежащих к французской теоретико-методологической школе «Анналов» [3]). Так, по мнению «анналиста» М. Блока, «прошлое господствует над настоящим. Ибо нет ни одной черты в сельском облике сегодняшней Франции (первой половины XX в. — А.М.), объяснения которой не следовало бы искать в развитии, корни которого уходят во тьму веков» [4, с. 313], включая период с V по XV столетия.

Специалисты XX в. выделяют следующие позитивные черты средневекового социума:

1) появление замечательных литературных произведений («Песнь о Роланде», «Песнь о нибелунгах», «Божественная комедия» Д. Алигьери и т. д.);

2) возникновение особой архитектуры (собор Парижской Богоматери во Франции, собор Св. Марка в Венеции);

3) кропотливое переписывание книг (до изобретения в Европе книгопечатания);

4) ремесленное производство, где технология создания продукта и творчество не отделялись друг от друга (в капиталистическом мире оно становится стандартизированным) [5, с. 11, 12];

5) зарождение особого типа городов [6, с. 330–354], имевших в качестве специфических признаков местный рынок, наличие торгового и ремесленного центра, крепости [6, с. 330].

Тем самым преодолевается однобокое, негативное представление о Средневековье, сложившееся в эпохи Возрождения и Просвещения.

Вместе с тем остается фундаментальная проблема: как понять, о чем думали люди Средневековья? Какова была их ментальность? Ученому приходится вступать в опосредованный временем и пространством диалог с людьми, жившими в V–XV вв.: задавать представителям средневекового мира вопросы (опираясь на материальные, археологические и особенно письменные источники) и получать от них ответы, которые придется интерпретировать исходя из современных категорий, специфики мировоззрения, уровня знаний. Ведь как утверждали еще в конце XIX столетия Ш.-В. Ланглуаи и Ш. Сеньобос, «история пишется по документам... Всякая мысль и... поступок, не оставивший следа или след которого исчез, навсегда потерян для истории... Ничто не может заменить документов, нет их, нет и истории» [7, с. 13]. Здесь возникает иная методологическая трудность, суть которой точно выразил А.И. Мартынов: «Когда речь идет о древности и Средневековье, то письменных источников всегда недостаточно, и во многих случаях по ним бывает трудно восстановить ход событий» [8, с. 8]. Конечно, частично положение спасают археология, вспомогательные исторические дисциплины (от геральдики до нумизматики), но все равно источников прошлого либо количественно мало, либо их интерпретация из настоящего оставляет желать лучшего.

Оптимальный выход из сложившейся ситуации — взять такой источник из изучаемого периода, который (при минимуме интерпретаций со стороны ученого) способен сам рассказать о структуре конкретного средневекового социума, почти не подвергаясь излишней цензуре, порожденной интересами настоящего. Тем самым можно было бы понять ментальность живших тогда людей, особенности становления их коллективов, социальной структуры. Отсюда предметом социально-философского (как и исторического) анализа станет изучение «не абстрактных и безличных социально-экономических структур» (хотя и они будут, безусловно, рассмотрены), но «людей, образывавших реальные коллективы и действовавших в истории» [3, с. 16]. Значит, методология нашего исследования будет исходить из единства индивидуального и коллективного уровней исторического творчества.

Объектом исследования выступает средневековое английское общество XIV в. В качестве источника, раскрывающего его структуру и проблемы, выбрана поэма Дж. Чосера «Кентерберийские рассказы» (окончание которой прервала смерть автора в 1400 г.; указанный труд завершен едва ли на четверть от задуманного). Работа содержит 22 стихотворные и 2 прозаические новеллы — рассказы паломников,

направлявшихся на поклонение мощам св. Томаса Беккета в английский город Кентербери. Почему в качестве основы социально-философского анализа взято именно это литературное произведение? Укажем ряд причин.

Во-первых, Дж. Чосер прожил длинную (по меркам Средневековья) жизнь — 60 лет (родился примерно в 1340 г.). За этот период в Англии произошло много событий — страна окончательно увязла в Столетней войне с Францией (началась в 1337 г.), которая продолжалась еще полвека после смерти Дж. Чосера (до 1453 г.). Следует отметить, что в 1359 г. Дж. Чосер, вероятно в качестве оруженосца, принял участие в военном походе короля Эдуарда III во Францию, попал в плен около города Реймса, но выкуплен оттуда английским монархом. На закате жизни поэта произошло жестоко подавленное королевской властью восстание крестьян и горожан под руководством У. Тайлера (1381 г.), при котором повстанцам поначалу сопутствовал успех: удалось даже взять столицу страны — Лондон. Менялись короли и их приближенные, многие из которых жизнью платили за близость к власти. Не каждому человеку в то время доводилось участвовать в бурных событиях, остаться живым и на склоне лет осмыслить увиденное в художественной форме.

Более реальной была иная картина, описанная Л. Февром применительно к французскому крестьянину XVI в., но легко экстраполируемая и на английского аристократа, жившего двумя столетиями ранее: «...К тридцати годам, когда он достигал расцвета сил, каких только опасностей он не преодолел, каких испытаний не перенес! Прежде всего он выжил! Он миновал, не погибнув, первые шестнадцать лет своего существования, когда погибал каждый второй ребенок... В более позднем возрасте он выстоял, не погибнув, против всех смертельных поветрий» [9, с. 295]. Дж. Чосер выжил после панъевропейской эпидемии чумы 1348–1353 гг., не погиб в ходе Столетней войны, восстаний часто уничтожавших средневековый Лондон. Поэтому писатель, выживший в сложных условиях средневекового социума, остается ценным свидетелем при философском анализе трансформаций английского общества XIV столетия.

Во-вторых, Дж. Чосер являлся образованным по тем временам человеком, так как писал стихи на староанглийском языке (т. е. существовавшем до завоевания страны норманнами в 1066 г., после которого знать общалась на французском).

В-третьих, Дж. Чосер был вхож в придворные сферы, знал их быт не понаслышке, имел покровителей среди королей Англии, в частности в лице Эдуарда III, Генриха IV, с юности работал на государственной службе. В 1357 г., в 17 лет, он уже занимал должность пажа в свите жены одного из сыновей Эдуарда III, герцога Лайонеля Кла-

ренса. Позднее стал на короткий период депутатом парламента (Палаты общин). Последняя государственная должность (при исполнении которой он и написал «Кентерберийские рассказы») — клерк королевских работ в Лондоне. Чосер удостоился даже похорон в Вестминстерском аббатстве, где погребены преимущественно выдающиеся люди страны. Так что Дж. Чосер описывал социальную жизнь Англии в анализируемом источнике со знанием дела из-за своего высокого положения в политической иерархии.

В-четвертых, с дипломатическими миссиями английского двора Чосер много путешествовал по средневековой Европе (в частности, побывал во Фландрии и Италии в 1370–1378 гг.), где тоже узнавал о социальной действительности, нашедшей отражение в «Кентерберийских рассказах». Возможно, во время подобных вояжей Дж. Чосер познакомился с деятелями итальянского Возрождения — Ф. Петраркой, Дж. Бокаччо, влияние творчества которых видно в «Кентерберийских рассказах», особенно в прологе.

Наконец, самое важное для социально-философского анализа английского общества заключается в том, что в «Кентерберийских рассказах» показаны отношение к реальности и положение в обществе для ряда представителей социальных групп: рыцаря, монаха, священника (белое духовенство, служащее в приходе), врача, морехода, купца, ткачихи, повара, йомена (свободного землевладельца). Конечно, раскрыть положение каждого представителя английского средневекового общества в одной статье невозможно, поэтому особенности данного социума изучим на примере рыцарей, изображенных Дж. Чосером как представители социальной группы, которой вскоре предстояло подвергнуться наиболее существенным трансформациям.

Поэт рисует следующий общий позитивный портрет рыцаря-паломника в «Кентерберийских рассказах»:

*Тот рыцарь был достойный человек,
С тех пор как в первый он ушел набег,
Не посрамил он рыцарского рода;
Любил он честь, учтивость и свободу;
Усердный был и ревностный вассал.
И редко кто в стольких краях бывал.
Крещеные и даже басурмане
Признали доблести его во брани [10, с. 30].*

Можно предположить, что образ рыцаря списан с реально существовавшего человека, хотя, несомненно, идеализирован Дж. Чосером, который наделял своего персонажа всеми классическими чертами «рыцаря без страха и упрека». У историков существует несколько версий по поводу того, кто являлся прототипом героя, но автор

настоящей статьи не будет касаться данной темы. Одно можно сказать точно: Дж. Чосер вложил в персонажа личные впечатления о войне и ее участниках. Возможно, тяжелые воспоминания о походах во Францию середины XIV в., преданность своему сеньору и верность принципам рыцарства как факторы определили рыцарю главную роль в «Кентерберийских рассказах». Как и всякий настоящий рыцарь, герой книги посвятил себя военному делу. Рыцарь делал все, чтобы семья гордилась им. Он потомственный воин. И настоящая его жизнь началась с первых боевых вылазок, через череду которых прошло его осмысленное социальное бытие. Храбростью и благородством он поражал всех: и своих, и врагов на поле брани. Ему неведом страх, сколько раз он оказывался на краю гибели, но сокрушал невзгоды и трудности, возникавшие на пути. Любым противникам рыцарь доказывал, что благородство не передается по наследству, а вырабатывается поступками. Величием души определяется величие человека.

Что дает указанный идеализированный портрет в плане социально-философского анализа? Дж. Чосер сообщает читателю важную информацию о биографии персонажа:

*Он с королем Александрию брал,
На орденских пирах он восседал
Вверху стола, был гостем в замках прусских,
Ходил он на Литву, ходил на русских,
А мало кто — тому свидетель Бог —
Из рыцарей тем похвалиться мог.
Им в Андалузии взят Алжезир
И от неверных огражден Алжир.
Был под Лайасом он и Саталией
И помогал сражаться с Бельмарией.
Не раз терпел невзгоды он и горе
При трудных высадках в Великом море,
Он был в пятнадцати больших боях;
В сердца язычников вселяя страх,
Он в Гремиссене трижды выходил
С неверным биться, — трижды победил.
Он помогал сирийским христианам
Давать отпор насильникам-османам [10, с. 32].*

За плечами героя — пятнадцать походов (преимущественно против мусульман на Ближнем Востоке), что делает его настоящим крестоносцем. Так, город Александрия стоит первым в послужном списке рыцаря, составленном Дж. Чосером. Воин штурмовал данный пункт вместе с самим Королем Кипрским Петром Лузиньяном в 1365 г. [11, с. 15].

Кроме того, в работе Дж. Чосера проступают вассальные обязанности рыцаря, который по зову (требованию) сеньора (короля) участвует в

его походах. Это особенность феодализма, которую Ж. Ле Гофф фиксирует как главную для данного социума: «Феодализм — прежде всего система личных связей, иерархически объединяющих членов высшего слоя общества» [1, с. 89]. Конечно могут быть и иные точки зрения. Например, классический марксизм считал опорой данного строя определенную форму собственности, где феодалы владели главным средством производства — землей. Более того, социальные связи здесь детерминировались не только экономикой, но и техническим базисом. Как утверждал К. Маркс: «Ручная мельница дает нам общество с сюзереном [т. е. феодалом] во главе, а паровая мельница — общество с промышленным капиталом» [12, с. 60].

Однако фактор личных связей, который показывает Дж. Чосер и подтверждает Ж. Ле Гофф, также необходимо учитывать (ибо в них присутствует сознание человека, выбиравшего в пользу того или иного поступка. Так, рыцарь мог пойти с королем на войну «Александрию брать», а мог найти предлог не покидать феода. Поэтому здесь проявляется важная социально-философская проблема исторического выбора и его мотивов [13]). Получается, что в социуме причины и следствия тех или иных явлений (личных и общественных) переплетены. Поэтому их зависимость нельзя до начала анализа постулировать, а надо в каждом конкретном случае искать, как на том справедливо настаивал М. Блок [14, с. 112].

Из рода занятий рыцаря вытекают его ментальность, главные положительные качества — скромность (в одежде и помыслах), набожность, образованность. Дж. Чосер пишет:

*А что сказать мне об его наряде?
Был конь хорош, но сам он не параден;
Потерт кольчугой был его камзол,
Пробит, залатан, в пятнах весь подол.
Он, возвратясь из дальнего похода,
Тотчас к мощам пошел со всем народом. <...>
И заслужил повсюду почесть он.
Хотя был знатен, все ж он был умен,
А в обхожденье мягок, как девица;
И во всю жизнь (тут есть чему дивиться)
Он бранью уст своих не осквернял —
Как истый рыцарь, скромность соблюдал [10, с. 31].*

Подобная характеристика рыцаря позволяет предполагать, что и другие представители средневекового рыцарского сословия обладали такими же чертами: бескорыстие, щедрость, личная порядочность. В походе рыцарь не гнался за приобретением вещей, денег, золота, иначе не был бы «залатан весь его подол». (Такие характеристики

чаще всего работали в рамках правил данного сословия и не всегда распространялись на стоящих ниже на иерархической лестнице — крестьян, горожан; иноверцев — мусульман, православных христиан; противников-иностранцев в лице французов). Указанные качества выступают универсальными, их, с отмеченной выше оговоркой, демонстрировали не только английские рыцари. Обратимся к отрывку из «Хроник» Ж. Фруассара (жившего тоже в XIV в., но во Франции), приводимому Ж. Дюби. Так, в 1388 г. в осаждаемом врагами замке умирает французский рыцарь Жоффруа по прозвищу Черная Голова. Он собирает вассалов и союзников по обороне, назначает преемником кузена Алена Бру (ибо тот старше его более близкого родственника — брата Пьера Ру), в чем проявляется справедливость рыцаря. Затем Жоффруа раздает соратникам накопленные богатства: «Я... хочу, чтобы вы разделили то, что с вашей помощью завоевано. В ларце, который вы здесь видите... заключена сумма почти в тридцать тысяч франков. Хочу я... оставить и раздать их, будучи в твердой памяти, и чтобы вы честно исполнили мое завещание» [15, с. 266].

Разумеется, не следует думать, что рыцари всегда следовали тому идеальному образу, который рисовал Дж. Чосер. Перенесемся из XIV в. на два столетия назад, когда европейские рыцари, шедшие освобождать Гроб Господень в Иерусалиме от рук неверных (мусульман), в силу алчности и финансовых обязательств перед Генуэзской республикой (давшей корабли для транспортировки воинов) в 1204 г. взяли штурмом христианский город Константинополь (хотя здесь доминировала православная ветвь христианства в отличие от католической веры, которой придерживались крестоносцы). Как вспоминал позже французский рыцарь Ж. де Виллардуэн, «они не могли представить себе, что на свете может существовать столь богатый город, когда увидели эти высокие стены... и эти могучие башни... и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить... Не было храбреца, который не содрогнулся бы; ибо никогда великое дело (штурм города — *А.М.*) не предпринималось таким числом людей» [16, с. 33, 34]. Константинополь был взят и разграблен. В вероломстве, нарушении данного императору Византии слова (не вмешиваться в местные дела) Ж. де Виллардуэн и его соратники ни тогда, ни позже не раскаивались, задержавшись в городе до 1261 г. Рыцари (число которых в разы уступало численности защитников города) не пощадили даже храм Св. Софии, где их алчность перешла все мыслимые пределы. Впрочем, Дж. Чосер, прекрасно знавший данный и иные примеры неблагородного поведения рыцарей, намеренно рисует в образе своего героя некий идеальный тип, на который его собратьям следует ориентироваться.

Однако в «Кентерберийских рассказах» показана и иная тенденция развития английского общества, обозначившаяся во второй по-

ловине XIV в. Структура социума постепенно изменяется. Подобные рыцари-воины, участвовавшие в пятнадцати походах, становятся редкостью. Их место занимают люди, формально тоже именующиеся рыцарями, но являющиеся совершенно другими по социальному содержанию. Привычная Дж. Чосеру сословная иерархия к концу жизни поэта-политика состояла в основном из трех элементов — рыцарей, сквайров, джентльменов. По мнению исследователей, «“мистер” — титул, который дается сквайрам и джентльменам, и в дальнейшем он будет считаться джентльменом» [17, с. 187]. Рыцарь-воин (солдат) уступает место сквайру, а это абсолютно разные понятия.

Со второй половины XIV в. социальная группа сквайров становится практически олицетворением целей представителей королевской власти, выполняет обязанности, которые считались рыцарскими, их количество растет во всех английских графствах. Титул сквайра означал как ранг, так и военную функцию его носителя. Ранее профессиональное определение оруженосец превратилось в почетный титул «скайр», свидетельствующий о благородном происхождении и богатстве его обладателя и дававший ему право на свой герб. «Его доход составляет от 20 до 40 ф. ст. доходов с земли, хотя нередко и больше. У него нет столь завидных родственных связей с магнатами, как у многих рыцарей, но он, как правило, имеет советника из клириков, уплачивая ему до 2 ф. ст. в год, двух валетов-йоменов из богатых крестьян-фригольдеров, пары пажей или просто слуг» [18, с. 70]. Так, скайр-оруженосец из помощника рыцаря на поле боя (подававший ему копье, меч, иное вооружение) или в походе (солдат в тяжелых доспехах не мог самостоятельно спуститься с коня) становится новым главным действующим лицом социальной жизни.

Изменяется не только доход представителя данной группы, но и его ментальность. Дж. Чосер повествует:

*С собой повсюду (в походы — А.М.) сына брал отец.
Скайр-был веселый, влюбчивый юнец
Лет двадцати, кудрявый и румяный.
Хоть молод был, он видел смерть и раны:
Высок и строен, ловок, крепок, смел,
Он уж не раз ходил в чужой предел;
Во Фландрии, Артуа и Пикардии
Он, несмотря на годы молодые,
Оруженосцем был и там сражался,
Чем милостей любимой добивался.
Стараньями искусных дамских рук
Наряд его расшит был, словно луг,
И весь искрился дивными цветами,
Эмблемами, заморскими зверями.*

*Весь день играл на флейте он и пел,
Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать.
Он ярок, свеж был, как листок весенний.
Был в талию камзол, и по колени
Висели рукава. Скакал он смело
И гарцевал, красуясь, то и дело.
Всю ночь, томясь, он не смыкал очей
И меньше спал, чем в мае соловей.
Он был приятным, вежливым соседом:
Отцу жаркое резал за обедом [10, с. 31].*

Цель сквайра — не личное смирение перед Богом, скромность в одежде и помыслах и т. д., а расположение прекрасной дамы. Это, как можно предположить, заставляет героя увеличивать (в том числе во время войны) источники своего дохода (становясь противоположностью рыцарю-воину). Им движут не благородные цели (освобождение Гроба Господня из рук неверных и т. п.), а личные (порой корыстные) мотивы.

Похожим образом сквайра оценивает и современный исследователь Н.А. Богодарова: «Сквайр — рыцарь придворный, воплощение куртуазности. Он служит своей даме, успел отличиться в воинских походах в Артуа, Фландрии и Пикардии (участие в Столетней войне — прямое указание на то, что сквайр — современник самого Чосера), он привержен традициям и, вероятно, станет похожим на своего отца. Его молодость, храбрость, куртуазность, его модные наряды, поведавшая им красивая сказочная повесть вызывают у паломников явное одобрение, которое прямо высказано Франклином, одним из главных героев Кентерберийских рассказов» [19, с. 208].

«Молодой человек, приятный во всех отношениях», — вот как называли бы его сегодня. Это посредственный представитель золотой молодежи, который сочетает придворную манерность с воинской доблестью, умеет проявить себя и на балу, и в бою. От многих своих собратьев его отличает блестящее на то время многостороннее образование и множество интересов наряду с хорошим воспитанием. Впрочем, по благородству и скромности сквайр (как символ новой социальной группы) проигрывает рыцарю-воину, который тоже изображен в «Кентерберийских рассказах».

Однако и на связке рыцарь-воин — сквайр эволюция служивого сословия в Англии на излете Средневековья не завершается. Рыцарское звание постепенно перестает быть синонимом солдатского служения вообще. С середины XIV в. оно становится определением для представителя господствующего класса в парламенте. В термин

вкладывается совершенно определенный социальный смысл: отныне рыцарь тот, кто своим богатством выделяется из общей массы мелких и средних феодалов. Благородство происхождения, как известно, играло в Англии меньшую роль, чем на континенте. Состоятельность и необязательность благородства означали формальное расширение социальных рамок применения данного термина. Рыцарем мог стать и могущественный магнат, и представитель зажиточного свободного крестьянства. Однако среди них особую ступень занимали рыцари в точном смысле этого слова — прошедшие специальную церемонию посвящения, опоясанные мечом, обладатели золотых шпор, именуемые «сэр», добавляющие слово «рыцарь» к своей подписи на официальном документе. Благородство опоясанных рыцарей внешне находило выражение в их исключительном праве на герб, их преимущественном праве на вхождение присяжными в состав парламента, на выполнение ими различных ответственных и почетных королевских поручений, участия в заседаниях назначаемых монархом комиссий. Отсюда титулы рыцарей до сих пор раздаются монархом в Великобритании как почетные звания известным политикам (М. Тэтчер, Джон Мейджор и др.), деятелям культуры (П. Маккартни, Ш. Коннери и т. д.).

Хотя эволюции сословия рыцарей по схеме военный рыцарь — сквайр — человек с подобным формальным статусом в работе Дж. Чосера найти нельзя, но при подробном анализе и знании последующей истории можно проследить важную с точки зрения социальной философии проблему: эволюции определенной общественной группы как имеющей полный набор функций в социуме до парадной, вырождение содержательной обязанности в чистую форму. Впрочем, такова судьба любой социальной группы: возникновение, становление, уход в небытие (возможно, с сохранением формального статуса за потомками ее членов).

«Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера демонстрируют и еще одну важную с точки зрения социальной философии особенность позднего английского средневекового общества. В.И. Золотов отмечает следующую тенденцию: «До XIV в. рыцарский статус как форма юридического и социального ограничения воинов-феодалов от остального общества на континенте, и в Англии в первую очередь, предполагал включение его обладателя в систему вассальной иерархии (король — барон — рыцарь) и наличие у него рыцарского феода. Рыцарство — средневековый дворянский почетный титул в Европе. Начиная с XIII в. рыцарский феодал перестает быть критерием рыцарского статуса, рыцарем именуется обладатель даже отдельных частей рыцарского феодала» [18, с. 67]. Рыцарское имение при жизни Дж. Чосера из комплексного феодала постепенно дробится на более мелкие

части. Это обстоятельство вызвало соответствующее регулирование экономического положения данной группы со стороны властей. Если в более ранний период (XI–XIII вв.) английские монархи обязывали состоятельных землевладельцев принимать рыцарское звание, то во времена Дж. Чосера последовал обратный процесс. Видимо, дробление имений затрудняло сбор налогов с них, призыв в армию резервистов (рыцарь приходил туда со своим отрядом, и уменьшение размера феода вело к сокращению его численности). Впоследствии в ходе знаменитой политики «огораживания» (XVI в.) данные имения уже самими потомками бывших средневековых рыцарей будут объединены в крупные хозяйства для разведения овец, продажи их шерсти на рынок, получения прибыли. Это станет концом феодального (натурального) хозяйства, тысячи людей (крестьян) окажутся на улице, и дабы не умереть с голоду и не быть казненными королевской властью за разбой, пойдут в город наниматься на мануфактуры (превратившись в новую группу — рабочий класс). А во времена Дж. Чосера виден обратный экономический процесс дробления феодалов. Для социально-философского анализа он интересен тем, что демонстрирует: в обществе действуют тенденции как к интеграции, так и дезинтеграции, которые циклически сменяют друг друга (отзвуки их борьбы присутствуют и в «Кентерберийских рассказах»).

Отдельная интересная тема работы Дж. Чосера — личное отношение ее автора к рыцарскому сословию. Оно двойственно. С одной стороны, восхищение ратной доблестью настоящего рыцаря-воина (в противовес сквайру), с другой — определенная ирония к нему. Автор не только выразил традицию осмеяния рыцарства, но и присоединился к ней сам.

Подобная противоречивая оценка рыцарства не прихоть Дж. Чосера, а тенденция в средневековой литературе XIII–XIV вв. Н.А. Богодарова выразила ее суть следующим образом: «Рыцарь — одно из главных действующих лиц: более трети всех рассказов посвящено рыцарской тематике, что очевидно доказывает ее притягательность для рассказчиков, слушателей и автора. В рассказах можно выделить две тенденции в изображении рыцарства. Одна, свойственная большинству из них, развивает образ доблестного и благородного рыцаря, намеченный прологом (рассказы рыцаря, врача и др.). Другая показывает складывающуюся традицию осмеяния рыцаря (рассказы Батской ткачихи, купца). Готовность паломников посмеяться над незадачливыми рыцарями очевидна» [19, с. 203].

Почему Дж. Чосер столь двойственно относится к рыцарскому сословию? Видимо, он (как писатель и политик) осознает, что последнее подходит к своему закату. Возможности существования рыцаря-воина в социальном пространстве поздней средневековой Ан-

глии постепенно сужаются, он выглядит карикатурно на фоне прагматичных сквайров и иных групп. Социальная база данной группы (полноценный феодал) дробится между его наследниками и скоро перестанет обеспечивать хозяина необходимыми для поддержания социального статуса средствами (продовольствием, деньгами, воинами). Начинается иная, капиталистическая эпоха, предпосылки которой Дж. Чосер нашел и выразил применительно ко второй половине XIV в. Вместе с тем рыцарям как уходящей социальной группе, отличающейся благородством, ратными подвигами и т. д., писатель-политик не может не сочувствовать в личном плане (особенно на фоне их куртуазных сменщиков в лице сквайров).

Таким образом, следует отметить, что Дж. Чосер — человек эпохи перемен (вспомним в этой связи знаменитое китайское проклятие: чтоб тебе жить в эпоху перемен!). Подобные трансформации, описанные в «Кентерберийских рассказах», в XIV в. еще не стали явными, но они происходят. Даже искрометный юмор «Кентерберийских рассказов» не может скрыть чувства скорби и печали о тяжелом положении родной автору Англии (глубинных причин неурядиц Дж. Чосер не видит). Здесь происходит постепенная ломка прежних феодальных обычаев, смена доминирующих в обществе групп, которую автор пытается отразить. Особенно интересно, что это происходит в художественном произведении, откуда современный историк и социальный философ тоже (как из официальных юридических документов — приговоров суда, межгосударственных договоров и т. п., так и из специальных исторических произведений — летописей, хроник) может брать ценную информацию об английском обществе второй половины XIV в.

Как верно утверждал Ж. Ле Гофф, сущность Средневековья как типа социума состояла в следующем: «Десять веков потратил Запад, чтобы сделать выбор между стоявшими перед ним альтернативами: замкнутая экономика или открытая, сельский мир или городской, жизнь в одной общей цитадели или разных самостоятельных домах?» [1, с. 11]. Отдельные аспекты подобного трудного и противоречивого выбора показаны в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера применительно к Англии XIV в.

В методологическом плане работа Дж. Чосера интересна тем, что для ее изучения можно применить комплекс подходов: от синергетики и системного анализа до активно развивающихся сегодня контрфактических исторических исследований [20]. Данная ситуация свидетельствует о междисциплинарности современного социального познания [21], проводимого как в исторической науке, так и в философии истории, социальной философии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Москва, Прогресс, Прогресс-Академия, 1992, 376 с.
- [2] Кондорсэ Ж.А. *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. Москва, Государственное социально-экономическое издательство, 1936, 266 с.
- [3] Гуревич А.Я. *Исторический синтез и Школа «Анналов»*. Москва, Индрик, 1993, 328 с.
- [4] Блок М. *Характерные черты французской аграрной истории*. Москва, Изд-во иностранной литературы, 1957, 323 с.
- [5] Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. *История средних веков*. Москва, Интерпракс, 1995, 336 с.
- [6] Вебер М. *Избранное. Образ общества*. Москва, Юрист, 1994, 702 с.
- [7] Ланглуа Ш.В., Сеньобос Ш. *Введение в изучение истории*. Москва, Изд-во ГПИБ, 2004, 305 с.
- [8] Мартынов А.И. *Археология*. Москва, Высшая школа, 2005, 447 с.
- [9] Февр Л. *Бои за историю*. Москва, Наука, 1991, 635 с.
- [10] Чосер Дж. *Кентерберийские рассказы*. Москва, Библиотека всемирной литературы, Эксмо, 2012, 768 с.
- [11] Кашкин И.А. Вступительная статья к «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера. В кн.: Чосер Дж. *Кентерберийские рассказы*. Москва, Художественная литература, 1988, с. 15.
- [12] Маркс К. Ницета философии. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные сочинения*. В 9 т. Т. 3. Москва, Политиздат, 1985, с. 60.
- [13] Нехамкин В.А. Пограничная ситуация: индивидуально-психологический аспект (на опыте Второй мировой войны). *European Social Science Journal*, 2016, № 7, с. 273–282.
- [14] Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка*. Москва, Наука, 1986, 256 с.
- [15] Дюби Ж. *Европа в Средние века*. Смоленск, Полиграмма, 1994, 317 с.
- [16] Виллардуэн Ж. *Завоевание Константинополя*. Москва, Наука, 1993, 299 с.
- [17] Треvelyян Дж. М. *Социальная история Англии*. Москва, Изд-во иностранной литературы, 1959, 608 с.
- [18] Золотов В.И. *Английское общество накануне Войны роз*. Брянск, Изд-во Брянского педагогического университета, 1995, 113 с.
- [19] Богодарова Н.А. Социально политические воззрения Джеффри Чосера. В кн.: *Из истории социальных движений и общественной мысли*, Москва, Наука, 1981, с. 204–219.
- [20] Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования. *Историческая психология и социология истории*, 2011, т. 4, № 1, с. 102–120.
- [21] Орехов А.М. Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования. *Социум и власть*, 2018, № 3, с. 91–97.

Статья поступила в редакцию 5.09.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Морозов А.А. Рыцарство в структуре средневекового общества: социально-философский анализ (на примере «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера). *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 9.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-9-556>

Рыцарство в структуре средневекового общества: социально-философский анализ ...

Морозов Александр Алексеевич — аспирант кафедры новой и новейшей истории
Московского педагогического государственного университета.
e-mail: a.morozov.87@list.ru

Chivalry in the structure of medieval society: socio-philosophical analysis (by the example of Geoffrey Chaucer's "The Canterbury Tales")

© A.A. Morozov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, 125993, Russia

We reconstructed a hierarchical structure of English medieval society in XIV century and defined the role of chivalry in it. On the base of "The Canterbury Tales" feudalism can be presented as "a system of personal relations" (according to J. Le Goff). Such an approach opposes the analysis of the given type of society as an economic structure, which is featured in social philosophy (classical Marxism), and at the same time supplements it. We elaborated the evolution of chivalry on the base of changes of its three states: military knight – squire (court knight) – chivalry as a title. We presented economic reasons for degradation of traditional chivalry as a particularly military class (fief separation). We drew a conclusion concerning relevance of using references during society transition states analysis.

Keywords: medieval society, English society, G. Chaucer, The Canterbury Tales, knights, squires, feudal anarchy

REFERENCES

- [1] Le Goff J. *Medieval Civilization*. Blackwell Publ., 1992, 393 p. [In Russ.: Le Goff J. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. Moscow, Progress, Progress-Academy Publ., 1992, 376 p.].
- [2] Condorcet J.A. *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*, 1795 [In Russ.: Condorcet J.A. Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma. Moscow, Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izd. Publ., 1936, 266 p.].
- [3] Gurevich A.Ya. *Istoricheskiy sintez i Shkola «Annalov»* [Historical Synthesis and Annales School]. Moscow, Indrik Publ., 1993, 328 p.
- [4] Bloch M. *Caracteres originaux de l'histoire rurale francaise*. London, Routledge & K. Paul, 1966, 258 p. [In Russ.: Bloch M. Kharakternye cherty frantsuzskoy agrarnoy istorii. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury Publ., 1957, 323 p.].
- [5] Gurevich A.Ya., Haritonovich D.E. *Istoriya srednikh vekov* [The History of Middle Ages]. 1995, 336 p.
- [6] Weber M. *Selected works. The Image of Society*. [in Russ.: Weber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva. Moscow, Yurist Publ., 1994, 702 p.].
- [7] Langlois C.V., Seignobos C. *The Introduction to the Study of History*. [In Russ.: Langlois C.V., Seignobos C. Vvedenie v izuchenie istorii, Moscow, Izd-vo GPIB Publ., 2004, 305 p.].
- [8] Martynov A. I. *Arkheologiya* [Archeology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005, 447 p.
- [9] Febvre L. *Combats pour l'histoire*. Paris, Librairie Armand Colin, 1992, 456 p. [In Russ.: Febvre L. Boy za istoriyu. Moscow, Nauka Publ., 1991, 635 p.].
- [10] Chaucer G. *The Canterbury Tales*. [In Russ.: Chaucer G. Kenterberiysskie rasskazy. Moscow, Biblioteka Vsemirnoy Literatury, Eksmo Publ., 2012, 768 p.].

- [11] Kashkin I.A. Vstupitel'naya statya k «Kanterberijskim rasskazam» G. Choser. [Introductory article to G. Chaucer's "The Canterbury Tales"]. In: Chaucer G. *"The Canterbury Tales"*. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1988, p. 15.
- [12] Marx K. *The Poverty of Philosophy*. [In Russ.: Nisheta filosofii, Marx K., Engels F. *Selected works in 9 vols. Vol. 3*. Moscow, Politizdat Publ., 1985, p. 60.]
- [13] Nekhamkin V.A. *European Social Science Journal*, 2016, no. 7, pp. 273–282.
- [14] Bloch M. *The Historian's Craft*. New York, Knopf, 1953 [In Russ.: Bloch M. *Apologiya istorii, ili remeslo istorika*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 256 p.]
- [15] Duby G. *Europe in the Middle Ages* [In Russ.: Duby G. *Evropa v Srednie veka*. Smolensk, Poligramma Publ., 1994, 317 p.]
- [16] Villehardouin G. *The Conquest of Constantinople* [In Russ.: Villehardouin G. *Zavoevanie Konstantinopolya*. Moscow, Nauka Publ., 1993, 299 p.]
- [17] Trevelyan G.M. *English Social History: A Survey of Six Centuries: Chaucer to Queen Victoria*. Longmans. [In Russ.: Trevelyan G. M. *Sotsial'naya istoriya Anglii*. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury Publ., 1959, 608 p.]
- [18] Zolotov V. I. *Angliyskoe obshchestvo nakanune Voyny roz* [English Society on the eve of the War of Roses]. Bryansk, Bryansk Pedagogical University Publ., 1995, 113 p.
- [19] Bogodarova N.A. Sotsialno-politicheskie vozzreniya Dzheffri Chosera [Geoffrey Chaucer's socio-political views]. In: *Iz istorii sotsialnykh dvizheniy i obshchestvennoy mysli* [From the history of social movements and social ideas]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 204–219.
- [20] Nekhamkin V.A. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii — Historical Psychology & Sociology*, 2011, vol. 4, no. 1, pp. 102–120.
- [21] Orekhov A.M. *Sotsium i vlast' — Society and Power*, 2018, no. 3, pp. 91–97.

Morozov A.A., post-graduate student, Department of Modern and Contemporary History, Moscow Pedagogical State University. e-mail: a.morozov.87@list.ru